

УДК 340.142

DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-202-206

Новизна в судебных правовых позициях: мифы и реальность**Краснов Александр Валерьевич**

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории права и государства
Казанского филиала Российского государственного
университета правосудия

Юсупов Айдар Аскарлович

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Казанского института (филиала) Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России)

Проблема судебного правотворчества должна решаться на базе эмпирического материала и дифференциации судебных правовых позиций. Последние выполняют специфическую роль в правовом регулировании отношений, что требует взвешенного анализа без стремления выдавать желаемое за действительное. Цель статьи – формирование гипотетической научной модели разграничения новизны в правовом регулировании и толковании права в судебных правовых позициях. Авторы ставят такие задачи, как классификация правовых позиций по степени значимости, анализ правовых средств в норме права на предмет их толкования судами для формирования границ новизны в регулировании, дифференциация правовых позиций судов в связи с преодолением пробелов в праве. Отмечается особая роль суперпозиций Конституционного Суда РФ, которые должны применяться системно ко многим делам. В отношении смешанных правовых позиций отмечается недопустимость формулирования в судебном акте новых правовых средств. Авторы обозначают варианты толкования и применения права в зависимости от такого признания или непризнания, сопровождающегося выявлением конституционного смысла норм права.

Ключевые слова: правовая позиция, суд, судебное правотворчество, правовое регулирование, пробел в праве, применение права, толкование права

Для цитирования: Краснов А.В., Юсупов А.А. Новизна в судебных правовых позициях: мифы и реальность // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 202–206. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-202-206.

Правосудие в любом государстве представляет собой достаточно специфический сегмент государственной деятельности: суды, в силу их компетенции по рассмотрению и разрешению юридических дел и защите субъективных прав и законных инте-

ресов граждан и организаций, воспринимаются населением как наиболее близкая к нему ветвь государственной власти. При том, что правотворчество является высшей формой государственной деятельности, задающей общие параметры и стратегии

развития общественных отношений, тем не менее выработка практики применения права, в смысле правовых позиций по толкованию и применению норм права, сосредоточена главным образом в судебной деятельности. Важное практическое значение приобретает проблема обозначения общих алгоритмов в толковании и применении норм права судами, правильное понимание которой позволяет судам оставаться в рамках собственных полномочий, не переходя в пространство правотворчества.

Особые функции при этом выполняет Конституционный Суд РФ (далее – КС РФ), чья деятельность связана с проверкой на соответствие Конституции РФ [1] нормативных правовых актов – как вступивших, так и не вступивших в юридическую силу, а также международных договоров [2]. Анализ постановлений КС РФ даёт возможность сформулировать гипотетическую научную модель соотношения таких феноменов, как толкование права и правовое регулирование.

На данный момент сложилось достаточно широкое сообщество правовых ученых, отстаивающих идею судебного правотворчества в России (А.Б. Венгеров [3, с. 388–417], П.А. Гук [4], М.Н. Марченко [5] и др.). Тем не менее, достаточно весомым остается и научная позиция, отрицающая такую возможность (С.В. Бошно [6], М.И. Байтин [7], В.В. Ершов [8] и др.).

Очевидно, что количество практических примеров для обоснования той или иной позиции, особенно в плане поддержки судебного правотворчества, не может быть заранее регламентировано и обуславливается объёмом исследования и здравым смыслом. То или иное научное суждение зачастую скорее имеет статус гипотезы. Современная наука предполагает одновременное существование нескольких моделей объяснения тех или иных феноменов или закономерных связей между явлениями [9]. Правовые позиции судов, которые рассматриваются как квинтэссенция правотворчества, неоднородны, и поэтому причислять сразу все из них к вводящим новизну в правовое регулирование представляется недостаточно обоснованным.

Феномен правовых позиций судов анализируется в научной литературе достаточно давно: с советского периода чаще употреблялся такой термин, как правоположение – и правоприменительное, и праворазъяснительное. После того как в законодательстве о Конституционном Суде РФ [2] появилось упоминание правовой позиции данного суда, использование последнего термина стало приоритетным. Постепенно праворазъяснительные правоположения Верховного Суда РФ (а до 2014 г. – и Высшего Арбитражного Суда РФ) также стали рассматриваться через призму правовых позиций. В некоторых случаях может использоваться и термин «позиция суда» [10, с. 16].

Более чем два десятилетия назад в правовой науке было сформулировано несколько точек зрения по поводу сущности правовых позиций: конструкция, демонстрирующая отношение суда к праву и применению его норм; результат аргументов и выводов суда; просто система правовых аргументов и общие ориентиры; при внешнем разнообразии указанные научные мнения достаточно близки по содержанию. В конечном счете позиция предстает как суждение, высказываемое судом по поводу наиболее оптимальных путей толкования и применения норм права, отличающееся логической и юридической обоснованностью [11, с. 56].

Следует иметь в виду, что легальное закрепление понятия правовой позиции в законодательстве отсутствует, как и содержательный анализ ее смысла в судебной практике. Сказанное отчасти затрудняет становление данного правового феномена, вызывая некоторую неопределенность. В то же время, как это ни парадоксально выглядит, правовые позиции имеют целью именно повышение уровня правовой определенности – посредством легального толкования права и властного закрепления его результатов в соответствующих судебных актах. Правовые позиции могут формулироваться судами исключительно в пределах их компетенции, выход за пределы которой может повлечь за собой пересмотр судебного акта, а в отношении КС РФ – сомнения в легитимности акта.

Основная часть. Если обратиться к правовым позициям КС РФ, то они могут носить индивидуальный, смешанный характер или представлять собой так называемые суперпозиции. В первом случае они касаются только конкретного дела в рамках конституционного судопроизводства (к примеру, определения КС РФ, касающиеся прекращения переписки с заявителем, устранения допущенных ошибок; правовых позиций, имеющих значение вне рамок конкретного дела, такие акты не содержат). Во втором, будучи сформулированными по конкретному делу, они превращаются в обязательные и общие в силу требований ст. 79 ФКЗ [2]. Суперпозиции, в свою очередь, высказываются по принципиальным вопросам и применяются системно к толкованию и применению больших совокупностей норм права.

Правовые позиции Верховного Суда РФ также неоднородны. Особое место занимают постановления Пленума и Президиума Верховного Суда РФ, а постановления коллегий по конкретным делам, хоть и используются в обзорах, формально не обладают статусом обязательности и не могут служить основанием для последующего пересмотра дел по новым обстоятельствам.

Собственно, указанная проблема носит не столько теоретический характер, сколько касается практической судебной деятельности. Представители судейского сообщества должны иметь достаточно

определённое представление по поводу рамок толкования права с тем, чтобы не выйти за пределы своей компетенции и не быть обвинёнными в принятии незаконных судебных актов.

Что касается суперпозиций КС РФ, то они должны учитываться судами при разбирательстве широкого спектра дел. Дело в том, что суперпозиция касается толкования, как правило, общеправовых принципов права, которые могут расширять понимание огромного числа норм права и выявлять новые смысловые связи. В качестве таких принципов могут быть, в частности, названы принципы стабильности права и правовой определенности; недопустимости злоупотребления правом; справедливости и гуманизма; уважения достоинства личности; соразмерности ограничения прав и свобод конституционно значимым целям; ответственности за совершенное деяние соответственно его реальной общественной опасности и пр. [12].

По поводу смешанных правовых позиций КС РФ отметим следующее. Важно иметь в виду, что правовое регулирование, как правило, понимается в контексте властной, направляющей деятельности, имеющей целью направить организуемые общественные отношения в чёткое русло [13, с. 51–52], с целью удовлетворения интересов субъектов правоотношений [14, с. 29–41], и осуществляется с помощью правовых средств, которые выступают в качестве элементов «правового конструктора». Толкование права, предметом которого выступает выявление воли законодателя при принятии нормативного правового акта, исходя из известных на данный момент положений теории права, направлено не на создание новых норм права, а на установление их истинного смысла. Исходя из этого, в рамках деятельности по толкованию права не должны появляться такого рода новые правовые средства, которые включают в себе именно микромодели поведения – субъективные права, юридические обязанности, запреты, меры правового ограничения, меры государственного принуждения. При толковании могут быть найдены новые смысловые связи между нормами права при их системном, логическом, специально-юридическом, порой целевом толковании.

Нельзя считать новым правилом указание на расширение понимания микромодели поведения: здесь мы имеем дело не с новым правилом, а с вновь открывшейся благодаря толкованию смысловой связью модели поведения с возможными иными ситуациями, которые не рассматривались ранее как очевидные в сложившейся правоприменительной практике. Зачастую КС РФ указывает именно на устоявшийся в правоприменительной практике вариант понимания нормы права, корректируя его в сторону ограничения или расширения.

Так, в постановлении КС РФ от 06.11.2024 № 50-П [15] отсутствие чёткого срока для призна-

ния неиспользования земельного участка в целях индивидуального строительства признано не соответствующим ряду положений Конституции РФ по мотивам неопределённости состава административного правонарушения.

Сказанное во многом позволяет говорить о том, что стремление законодателя к определенности норм права далеко не всегда может быть достигнуто посредством повышения качества юридической техники: без соответствующего сопровождения в рамках судебной и иной юридической практики выявить все возможные смысловые связи и проявления правил поведения в полной мере представляется почти недостижимым.

Нельзя не обойти вниманием и использование аналогии закона и права в рамках толкования права в постановлениях КС РФ. Отметим, что преодоление пробелов характерно для применения права, однако по общему правилу результат аналогии не имеет обязательного значения для иных судов судебной системы, кроме того, который вынес соответствующее решение. Постановления КС РФ и в некотором смысле Пленума Верховного Суда РФ в этом плане составляют определённое исключение.

Если положения нормативных правовых актов признаны не соответствующими Конституции РФ, то они утрачивают юридическую силу, и суду в конкретном деле следует руководствоваться временным регулированием, обозначенным в постановлении КС РФ, либо самостоятельно преодолевать пробел.

В некоторых случаях, придя к выводу о неконституционности законоположений, Конституционный Суд воздерживается от признания их таковыми и в связи с этим утратившими силу, поскольку это создавало бы такой пробел в правовом регулировании, который в конкретном деле не может быть устранен прямым применением Конституции и который неизбежно привел бы к нарушению прав граждан (пример – ряд положений гражданского процессуального законодательства, регулирующих пересмотр в порядке надзора судебных актов [16]).

Преодоление пробела на основе общих начал и смысла законодательства в конституционно-судебных актах посредством истолкования принципов права во многом смыкается с поиском системных связей между принципами, которые могут быть использованы для разрешения правового вопроса, и теми нормами права, которые пусть и не регулируют сходные отношения, но способны в сочетании с принципом указать на общий путь аргументации с целью выявления правила поведения. В таком случае правотворческому органу нет необходимости казуально перечислять множество вариантов правил, обозначив либо конкретные запреты (при дозвольтельном типе правового регулирования), либо конкретные дозволения (при разрешительном типе правового регулирования).

Таким образом, «новизна» в правовом регулировании отношений, которая может содержаться в правовых позициях, должна быть скорректирована в своём содержании. По нашему мнению, новизна, как правило, может заключаться не столько в создании нового правила поведения (с творением новых субъективных прав, юридических обязанностей, запретов и пр.), а во вновь открытых в результате толкования права смысловых связях между нормами и принципами права. Насколько корректным будет отождествление смысловых связей с правотворчеством – вопрос неоднозначный. Очевидно, что «прецедентное» объяснение таких феноменов с позиций правовых традиций совершенно другой правовой семьи (англосаксонской) представляется по меньшей мере спорным. Возможно, в таком случае желаемое (судебное правотворчество) выдаётся за действительное при не самой чёткой базе аргументов. Исходя из общей логики и правил формулирования дефиниций, в этом случае либо нужно сформулировать принципиально новое понимание «российского судебного прецедента», либо выбрать иные объяснения феномена с формулированием новой категории (как это делают сторонники «судебной практики» как источника права, что в итоге выглядит более убедительно, хотя и не до конца обоснованно с учётом интерпретации самих источников права).

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС Гарант.
2. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 31.07.2023) // СЗ РФ. 25.07.1994. № 13. Ст. 1447. Ст. 3.
3. Венгеров А.Б. Теория государства и права: учеб. для юрид. вузов. М.: Омега-Л, 2006. 608 с.
4. Гук П.А. Толкование и конкретизация норм и принципов права судебными органами // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2020. № 4 (56). С. 34–42. DOI: 10.21685/2072-3016-2020-4-4
5. Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судейское право: учеб. пособие. М.: Проспект, 2017. 447 с.
6. Бошно С.В. Источники и формы права // Право и современные государства. 2022. № 4. С. 59–71. DOI: <http://dx.doi.org/10.14420/ru.2022.4.3>
7. Байтин М.И. Сущность права. (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). М.: ИД «Право и государство», 2005. 544 с.
8. Ершов В.В. Регулирование правоотношений. М.: РГУП, 2020. 564 с.
9. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовая реальность транзитивного общества: дискурс и нарратив: Монография. СПб.: Алетейя, 2024. 556 с.
10. Гумеров Л.А., Краснов А.В., Шарифуллин Р.А. Позиции судебного толкования в правовой системе России // Российское правосудие. 2019. № 12. С. 14–22.
11. Судебная практика в правовой системе России: научные очерки / Краснов А.В., Шарифуллин Р.А., Гумеров Л.А. и др.; под ред. Т.В. Губаевой и А.В. Краснова А. В. М.: РГУП, 2021. 160 с.
12. Зорькин В.Д., Председатель Конституционного Суда Российской Федерации. Интернет-интервью с В.Д. Зорькиным, Председателем Конституционного Суда РФ: «Предварительные итоги деятельности Конституционного Суда РФ на пороге 15-летия». URL: <https://www.consultant.ru/law/interview/zorkin/> (дата обращения: 27.10.2025).
13. Фаткуллин Ф.Н., Фаткуллин Ф.Ф. Проблемы теории государства и права. Казань: Спектр, 2000. 340 с.
14. Малько А.В., Шундииков К.В. Цели и средства в праве и правовой политике. Монография. Саратов: Изд-во СГАП, 2003. 296 с.
15. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.11.2024 № 50-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 8.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан А.В. Боевой и И.В. Филькова» // СЗ РФ. 11.11.2024. № 46. Ст. 7030.
16. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.02.2007 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго» а также жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 12.02.2007. № 7. Ст. 932.

Novelty in Judicial Legal Positions: Myths and Reality*Krasnov A.V.**Kazan branch of the Russian State University of Justice**Jusupov A.A.**Kazan legal institute (branch) The All-Russian State University of Justice*

The problem of judicial lawmaking should be addressed based on empirical data and the differentiation of judicial legal positions. The latter play a specific role in the legal regulation of relations, which requires a balanced analysis without wishful thinking. The purpose of this article is to develop a hypothetical scientific model for distinguishing between novelty in legal regulation and legal interpretation in judicial legal positions. The authors address such tasks as classifying legal positions by degree of significance, analyzing the legal means of a legal norm for their interpretation by courts to define the boundaries of regulatory novelty, and differentiating the legal positions of courts in connection with overcoming legal gaps. The special role of the superpositions of the Constitutional Court of the Russian Federation, which should be applied systematically to many cases, is noted. With regard to mixed legal positions, the inadmissibility of formulating new legal means in a judicial act is noted. The authors outline options for the interpretation and application of the law depending on such recognition or non-recognition, accompanied by the identification of the constitutional meaning of legal norms.

Key words: legal position, court, judicial lawmaking, legal regulation, gap in the law, application of the law, interpretation of the law

